

Поместный собор 1917–1918 гг. и отношение православной Церкви к советской власти и её религиозной политике

Анатолий Кашеваров

Local Council of 1917–1918 and the attitude of the Orthodox Church to the Soviet government and its religious policy

Anatoliy Kashevarov (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Russia)

DOI

В постсоветский период в отечественной историографии появился целый ряд книг и статей, посвящённых церковно-государственным отношениям в первые годы советской власти. В них непременно рассматривались и сюжеты, связанные с реакцией Поместного собора Православной Российской Церкви на большевистскую политику и практику в отношении религиозных организаций. Так, В.А. Алексеев отмечал, что многие члены Собора упрекали большевиков в узурпации власти и «глумлении над святынями» (обстрел московского Кремля), а в официальных церковных документах осуждались действия революционных рабочих и солдат¹. Канадский историк Д.В. Поспеловский, анализируя постановления Собора, имевшие политическое звучание, пришёл к выводу, что в них речь шла о духовной борьбе, покаянии и активизации действий мирян, направленных на защиту своих храмов. Поместный собор не молчал о начавшихся гонениях, но в своих определениях «последовательно стремился к миру, к установлению нормальных, взаимно лояльных отношений с новой властью»². По мнению О.Ю. Васильевой, резкая критика большевиков и социалистической революции в посланиях Собора объяснялась тем, что Русская Православная Церковь оказалась «первой PROVIDИЦЕЙ грядущей гражданской войны» и таким способом пыталась её предотвратить, а протесты церковного руководства и волнения среди верующих во многом были спровоцированы плохо продуманными действиями новой власти³. А.Г. Кравецкий и М.И. Одинцов писали, что наиболее резкую реакцию Собора вызвал декрет об отделении Церкви от государства⁴. В монографиях А.Н. Кашеварова указывалось, что оценка, данная этому декрету Поместным собором и патриархом, нашла поддержку не только у духовенства, но и у основной массы прихожан, и в дальнейшем это учитывалось высшим церковным управлением, особенно в

© 2019 г. А.Н. Кашеваров

¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 18–72.

² Pospelovsky D. A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 1. N.Y., 1987; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 49–60.

³ Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

⁴ Кравецкий А.Г. К истории Декрета об отделении Церкви от государства // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 139; Одинцов М.И. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 137–138.

призывах к массовому неповиновению советским постановлениям о религии и Церкви⁵. Реакция Собора на захват власти большевиками и действия его членов, пытавшихся остановить бои в Москве в октябре 1917 г., подробно освещены в работах протоиерея Владислава Цыпина⁶. Н.А. Кривошеева показала связь оценки Собором декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» с появлением первых жертв среди православных архиереев, пастырей и мирян, а также с деятельностью соборной «комиссии о гонениях»⁷.

Но, характеризуя отношение Собора к советской власти и её религиозной политике, исследователи в основном опирались на публикации в церковной печати и материалы фонда Поместного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. в ГА РФ (ф. Р-3431)⁸, практически не обращаясь к документам, отложившимся в РГИА в фондах Священного собора Православной Российской Церкви (ф. 833) и Канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода (ф. 831), которые также нуждаются в изучении.

Важнейшая проблема, которую предстояло решить Поместному собору, заключалась в установлении новых форм церковно-государственных отношений. Так или иначе она обсуждалась на всех трёх его сессиях, вплоть до 20 сентября 1918 г., когда заседания пришлось прекратить. Пожелания и требования их участников нашли отражение в принятом ещё 2 декабря 1917 г. «Определении Священного собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви»⁹, подготовка и содержание которого обстоятельно проанализированы А.Л. Бегловым, Е.В. Беляковой и К.В. Ковыриным¹⁰.

⁵ *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. С. 180—185; *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917—1922). М., 2005. С. 132—136.

⁶ *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви. 1917—1997. М., 1997; *Цыпин В.А., прот.* Русская Православная Церковь в новейший период. 1917—1999 гг. // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 134—137.

⁷ «Приспело время подвига...»: Документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2012. С. 52—68.

⁸ Значительная часть этих источников воспроизведена в сборниках: «Приспело время подвига...»; Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России (октябрь 1917 — 1918 г.). Сборник документов / Сост. Л.Б. Милякова. М., 2016. Следует также отметить начатое в 2011 г. в Новоспасском монастыре группой церковных историков (протоиереи М. Кокарев и А. Колчерин, священник И. Соловьёв, М.А. Адамов, А.Л. Беглов, Е.В. Белякова, Т.Е. Житенёв, Г.М. Запальский, К.В. Ковырин, А.Г. Кравецкий, Н.П. Меньшов, А.И. Мраморнов, Н.Ю. Сухова, П.В. Фёдоров, С.Л. Фирсов и др.) новое фундаментальное издание материалов Поместного собора 1917—1918 гг. Всего запланировано выпустить 34 тома с комментариями, примечаниями, именным указателем и цветными вклейками с фотокопиями наиболее характерных документов. В настоящее время публикация текста деяний (стенотраграмм общих собраний) Собора доведена до начала декабря 1917 г. См.: Документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 5—6 / Отв. ред. А. Колчерин, А.И. Мраморнов. М., 2015—2016.

⁹ Священный собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 6—8.

¹⁰ *Беглов А.Л.* От соборного определения — к Декрету СНК. К вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода // Альфа и Омега. 2007. № 1(48). С. 146—170; *Беглов А.Л.* Православная Церковь перед лицом светского государства: Поместный собор 1917—1918 гг. о принципах государственно-церковных отношений // Православная Церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Н. Новгород, 2008. С. 66—79; *Ковырин К.В.* Поместный собор 1917—1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. М., 2008. № 4. С. 88—97; *Ковырин К.В.* Российская Православная церковь и поиски принципов церковно-госу-

Как справедливо отметил Беглов, идея сотрудничества с государством стала одним из ключевых принципов, сформулированных при обсуждении доклада о правовом положении православной Церкви, с которым 15 ноября перед Собором выступил профессор С.Н. Булгаков¹¹. Признав «второстепенное значение для Церкви вопроса о политических формах государственной жизни», он вместе с тем указал на «недопустимость возврата к тому, чтобы Церковь была огосударствлена». Но столь же решительно, по его мнению, «должно быть осуждено, отвергнуто и признано абсурдным то, что называется отделением Церкви от государства, предоставление государства исключительно мирского господства и уход Церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни...». Докладчик не сомневался в том, что государство обязано заботиться о нуждах Церкви, а «в смысле внутреннем и религиозном нельзя допустить отделения Церкви от государства: Церковь не может отказаться быть светом миру, не изменив себе»¹². На основании доклада Булгакова Собор постановил, что «Православная Церковь в России должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения»¹³. В соответствии с этим и разрабатывалось «определение», принятое 2 декабря 1917 г.

По-видимому, соборное большинство не ожидало, что власть надолго окажется в руках у воинствующих атеистов. Так, при обсуждении доклада С.Н. Булгакова профессор Н.Д. Кузнецов заявил: «Россия находится в состоянии полной анархии, и все ещё только кричат о необходимости создания твёрдой государственной власти и пока совершенно неизвестно, в какие формы выльется будущий государственный строй»¹⁴.

Собор явно возлагал большие надежды на Учредительное собрание. Собственно, и принятое 2 декабря определение, по словам члена Собора профессора В.И. Мищенко, представляло собой «не более как законопроект, подготовленный к предстоящему Учредительному собранию»¹⁵. В докладе Булгакова говорилось: «Мы твёрдо должны сказать Учредительному собранию, что Русское государство исторически обязано Церкви своими устоями и крепостью, поэтому и сейчас не должно порывать связи с нею»¹⁶. Неудивительно, что в октябре Собор «ввиду приближающихся выборов в Учредительное собрание» выпустил особое послание, призывая «благословение Божие на сей государственный труд»¹⁷.

С большевиками церковное руководство впервые столкнулось во время боёв в Москве 27 октября — 2 ноября 1917 г. Надеясь положить предел междоусобице и беспокоясь о судьбе кремлёвских святынь, Поместный собор

дарственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. — январь 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Ковырзин К.В.* Определение Поместного собора «О правовом положении Православной Российской Церкви» (2.12.1917): историко-правовой анализ // XXII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М., 2012. С. 78—80; *Белякова Е.В.* «Симфония властей» или «свободная церковь в правовом государстве»: русские дискуссии начала XX века // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. Вып. № 7(23). С. 6—18.

¹¹ Беглов А.Л. Православная Церковь перед лицом светского государства... С. 77.

¹² Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 1. С. 34, 36—37, 38. См. также: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. (далее — Деяния...). Кн. 4. Вып. 1. Пг., 1918.

¹³ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 2. С. 71.

¹⁴ Там же. № 3—4. С. 124.

¹⁵ Там же. № 2. С. 71.

¹⁶ Там же. № 1. С. 37.

¹⁷ Церковные ведомости. 1917. № 42. С. 376.

2 ноября направил делегацию во главе с митрополитом Тифлисским Платоном (Рождественским) к руководителям противоборствующих сторон, убеждая их прекратить кровопролитие, «не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу» и проявить милосердие к побеждённым¹⁸. Но несмотря на это обращение, тяжёлые снаряды попали во все кремлёвские соборы. 11 ноября Собор обратился к победителям с просьбой не мстить и призвал народ к покаянию за грех братоубийства. В этот же день Собор распорядился отпевать всех погибших и поручил митрополиту Платону «через сношение с подлежащими организациями выяснить: было ли совершено отпевание над прахом убитых в дни междоусобной брани воинов и рабочих», погребённых 10 ноября¹⁹. Резко осудив обстрел Кремля и захоронение красногвардейцев на Красной площади, Собор впервые выразил своё отношение к новой власти. «Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует Родины и её святыни, — отмечалось в соборном послании 11 ноября. — Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России... К нашему несчастью, не народилось ещё власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви православной»²⁰.

Известие о начавшихся переговорах советского правительства с Германией вызвало 17 ноября постановление Собора «по поводу текущих событий». В нём утверждалось, что «лица, вступившие от лица российского государства в международные сношения, не являются свободно избранными представителями населения и выразителями мысли и воли нации, почему и не могут быть признаны правомочными в деле ведения мирных переговоров». Собор характеризовал их как «группу лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах» и решительно осудил любые попытки заключения сепаратного мира, который «был бы изменой нашим союзникам, предательством единоверных нам народов и мог бы ввергнуть Россию в горшие бедствия»²¹.

Вплоть до конца 1917 г. церковное руководство считало, что неустойчивая и слабая советская власть, боясь гнева верующего народа, не станет предпринимать действий, затрагивающих интересы Церкви. Так, объявленный В.И. Ульяновым (Лениным) декрет о земле, требовавший национализации церковно-монастырских земель, соборное большинство воспринимало как демагогическую декларацию и не допускало мысли, что она может быть осуществлена без санкции Учредительного собрания. Поэтому 14 ноября Собор спокойно обсуждал вопрос о переделе причтовых участков и даже установил нормы пользования ими. Между тем 11 декабря 1917 г. вышло постановление Народного комиссариата просвещения о подчинении ему всех учебных заведений духовного ведомства. 17 и 18 декабря были изданы декреты о гражданском браке и гражданской метрикации. Все эти распоряжения совершенно не соответствовали нормам соборного определения 2 декабря, в котором, в частности, принятие государством законов, касающихся православной Церкви, допускалось «не иначе, как по соглашению с церковной властью» (ст. 6).

С 1918 г. новая власть стала вводить служение Церкви в жёсткие рамки разнообразных запретов и ограничений. Первым шагом явилась реквизиция На-

¹⁸ РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 61, л. 6.

¹⁹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 5. С. 174.

²⁰ Церковные ведомости. 1917. № 46—47. С. 417.

²¹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 5. С. 175.

родным комиссариатом просвещения синодальной типографии в Петрограде. О том, как она была проведена, Собор узнал 22 января от редактора «Церковных ведомостей» протоиерея П.Н. Лахостского²².

В тот же день на первом после рождественских каникул (длвшихся с 10 декабря 1917 г. по 20 января 1918 г.) соборном заседании донесение настоятеля Александро-Невской лавры епископа Прокопия (Титова) о предпринятой 13 января в Петрограде попытке матросов и красногвардейцев захватить по приказу комиссара призрения А.М. Коллонтай помещения Александро-Невской лавры, гибели протоиерея Петра Склипетрова и состоявшемся затем грандиозном крестном ходе, совершившем «всенародное моление» за гонимую Церковь. «То, что сообщили нам о лавре, — констатировал при обсуждении этих событий член Собора кн. Е.Н. Трубецкой, — не частное враждебное Церкви выступление, а проведение плана уничтожения самой возможности существования Церкви. Сейчас речь идёт об упразднении одной обители, это только пробный шаг... Тут открытая война с Церковью, начатая не нами». Оценив случившееся в столице как «первое столкновение со слугами сатаны», протоиерей Н.В. Цветков предложил Собору «послать туда посольство с выражением глубокого соболезнования»²³.

24 января Собор, учитывая просьбу специально прибывшей накануне петроградской делегации, уполномоченной собранием духовенства и представителей приходов епархии проинформировать высшую церковную власть о январских гонениях, вынес постановление «о возвращении Александро-Невской лавры петроградскому митрополиту с присвоением ему звания священноархимандрита оной»²⁴. Восстановление владыки Вениамина (Казанского) в звании и правах настоятеля монастыря в тот момент, когда большевики добивались его выселения из обители, свидетельствовало о неприятии действий правительства. После окончания официального заседания Собора перед его участниками выступил глава делегации протоиерей Ф.Н. Орнатский, рассказавший о положении в Петрограде, «особенно о попытке захватить лавру и о величественном крестном ходе»²⁵.

19 января, в самый разгар противостояния на Неве (продолжавшегося до 21 января), патриарх Тихон выпустил известное послание «по поводу переживаемых событий», отлучавшее от Церкви всех, кто терроризировал население. Несмотря на то, что о большевиках в нём не упоминалось, их методы впервые подверглись суровому осуждению. Многие члены Собора восприняли послание 19 января именно как «анафему большевикам, изречённую патриархом Тихоном». Выступая на заседании 22 января, протоиерей Н.В. Цветков, не сомневавшийся в том, «кого же анафемствует святейший патриарх», предлагал «самый большевизм назвать сатанизмом или антихристианством». Его выступление горячо поддержал священник В.И. Востоков²⁶.

Патриарх, по сути, предвосхитил рекомендации работавшей во время каникул комиссии Собора, «которая обдумывала способы ответа на акты современного правительства, в частности относительно Александро-Невской лавры». Входивший в неё кн. Е.Н. Трубецкой признавался: «Мы ждали только официального донесения и имён, которые теперь названы (имелись в виду инициа-

²² Деяния... Кн. VI. Вып. 1.М., 1918. С. 31.

²³ Там же. С. 10—11, 40.

²⁴ Там же. С. 55—56.

²⁵ Там же. С. 56—60.

²⁶ Там же. С. 39—40, 43.

торы нападения — Коллонтай и др. — А.К.), чтобы представить на рассмотрение Собора проект отлучения от Церкви виновных». Таким образом, следовало перейти от «увещаний», которые рассматривались уже как «слишком слабые», к «воздействию мечом духовным» — «анафематствованию лиц, совершающих явно враждебные Церкви действия, и всех их пособников»²⁷.

Патриаршее послание было оглашено и обсуждалось 20 января на частном совещании Собора, поскольку членов, собравшихся в этот день, не хватило для проведения официального заседания (около 100 вместо необходимых по уставу 180 человек)²⁸. Одобряя позицию патриарха, некоторые из выступавших указывали на недостаточность публичных осуждений антицерковных действий большевиков и «насильников вообще». Протоиерей из г. Богодухова Харьковской епархии М. Станиславский говорил: «Мы знаем послания, которые раньше посылали. Их солдаты рвали. Послание... теперь едва ли достигнет вполне цели... Теперь нужно придумать необходимые мероприятия. Нужно устроить всенародные моления с крестными ходами и при этом сказать народу, каким бедам подвергается Церковь от врагов православия». Делегат от Воронежской епархии Д.И. Боголюбов призывал духовенство перейти к «решительным действиям» ненасильственного характера²⁹.

22 января на Соборе продолжалась конкретизация «общей формулы патриаршего послания». Так, профессор И.И. Громогласов, озабоченный тем, «чтобы отлучение было реальным, действительным отчуждением, отделением тех, кто всей душой предан Церкви, от её врагов и гонителей», считал целесообразным «принять меру к тому, чтобы на местах надлежащим образом было выяснено, в чём именно должно выражаться отлучение и как оно должно быть проведено в жизнь»³⁰. В итоге появившееся 22 января постановление одобряло воззвание Тихона и призывало Церковь «объединиться ныне вокруг патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей»³¹.

Первые декреты советской власти обрывали любые связи Церкви и государства и не предусматривали создания новых, поскольку в правящей партии считалось, что при социализме религии быть не должно. Оценивая их, участники Собора старались выяснить, насколько намеченные большевиками меры пользуются поддержкой населения. При этом неоднократно наблюдалось, что антиклерикальные и богоборческие настроения в конце 1917 г. — начале 1918 г. распространялись всё шире, особенно в солдатской среде³². Причины и проявления их были многообразны — от бессмысленной жестокости, хулиганства и желания завладеть церковным имуществом до сознательного надругательства над верой и её служителями. В выступлениях на Соборе неоднократно напоминалось, что насилие над священниками, братоубийство, разбой и взаимная ненависть начались «не со вчерашнего дня, не со времени прихода большевиков»³³. Советская власть лишь официально поддерживала, подогревала и умело использовала их в своей борьбе с Церковью.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Там же. С. 1—2.

²⁹ Там же. С. 14, 16.

³⁰ Там же. С. 5.

³¹ Церковные ведомости. 1918. № 5. С. 24. Собор принял также молитву «о спасении Церкви православной» (Там же. С. 23).

³² Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 15, 16.

³³ См., например: Там же. С. 40.

Наибольшее возмущение у духовенства и верующих вызвал декрет 23 января 1918 г., отделивший Церковь от государства и школы. Сразу же после его публикации Собор образовал «комиссию по проекту постановления о декрете народных комиссаров об отделении Церкви от государства» во главе с протоиереем А.П. Рождественским. Она отредактировала и «единогласно одобрила для внесения на пленарное заседание Священного собора» составленный кн. Трубецким проект постановления³⁴. Уже 25 января Поместный собор принял его, объявив, что «изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против неё гонения». Соответственно, провозглашалось, что «всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви»³⁵.

27 января комиссия протоиерея Рождественского приступила к составлению проекта «инструкции духовенству по исполнению соборного постановления о декрете народных комиссаров касательно православной Церкви»³⁶. Тогда же, учитывая накопленный (главным образом в Петроградской епархии) опыт противодействия гонениям, член Собора Н.Н. Медведков рекомендовал «устраивать внушительные манифестации, называемые на церковном языке крестными ходами»³⁷.

В принятом ещё 22 января определении «о мерах против захватов насильниками церквей, церковных и монастырских имуществ» предписывалось «немедленно организовать православные братства при приходских храмах и монастырях из окрестных жителей, преданных св[ятый] Церкви, для охраны церковного и монастырского имущества», а также «вменить в обязанность приходскому и монастырскому духовенству в проповедях с амвона призывать народ к покаянию и молитве, выясняя смысл текущих событий с христианской точки зрения»³⁸. Собор выпустил также воззвание «к православным христианам», в котором убеждал их не только не следовать декрету 23 января, но и объединяться «около своих храмов и пастырей», составляя «союзы для защиты заветных святынь»³⁹.

Судя по протоколам и постановлениям приходских и епархиальных собраний, направленным в первые месяцы 1918 г. Собору и патриарху, верующие протестовали против декрета 23 января, усматривая в его статьях ограничение «свободного, открытого и повсеместного исповедания веры» и «нарушения тех канонических и имущественных прав, коими Церковь православная до сего времени обладала». При этом Петроградский епархиальный съезд духовенства и мирян, состоявшийся 11—15 марта (26 февраля — 2 марта), заявил о том, что «собрание признало излишним выносить какие-либо резолюции и суждения по вопросу об отношении к декрету об отделении Церкви от государства после того,

³⁴ РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 2—3.

³⁵ Там же, л. 51.

³⁶ Там же, л. 3—8.

³⁷ Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 77.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 33. Изложенное в популярной форме и отпечатанное в виде листовки, воззвание широко распространялось в приходах и монастырях (Там же, д. 36, л. 118—119 об.).

как по этому вопросу сказано авторитетное слово высшим органом церковной власти, Всероссийским церковным собором»⁴⁰.

Члены Собора получали сообщения с мест, свидетельствовавшие также и о том, что антирелигиозные акции способствовали укреплению морального авторитета духовенства, заметно снизившегося за годы Первой мировой войны. Религиозный подъём, охвативший значительную часть населения, массовые крестные ходы (в Москве и Петрограде в них участвовали сотни тысяч людей), казалось, позволяли надеяться на отмену одиозных правительственных постановлений. «Декрет об отделении Церкви от государства, — писали тогда “Церковные ведомости”, — оказался мерой беспочвенной и явно неосуществлённой в условиях русской действительности»⁴¹. Собрание представителей приходов Москвы, состоявшееся 25(12) февраля в соборной палате епархиального дома под председательством А.Д. Самарина, «решило перейти к преподаванию Закона Божия в церквях и домах лишь тогда, когда законоучители будут из школы изгнаны штыками», и «выразило надежду, что отмена преподавания Закона Божия не последует»⁴². В Кимрах родительские комитеты при женской и мужских гимназиях и других училищах выразили решимость «в случае насилия со стороны большевистской власти (т.е. удаления из школ преподавателей Закона Божия. — А.К.) немедленно взять всех учащихся из учебных заведений»⁴³.

В условиях наметившейся консолидации клира и мирян для сопротивления разворачивавшимся гонениям 28 февраля появилось постановление патриарха и Священного Синода, указывавшее, в частности: «При всех приходских и бесприходных церквях надлежит организовать из прихожан и богомольцев союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательств... В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев... В случае покушения на захват священных сосудов, принадлежностей богослужения, церковных метрик и прочего имущества церковного, не следует добровольно отдавать их... В случае нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние следует призывать православный народ на защиту церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т.д. ... Все восстающие на святую Церковь, причиняющие поругание святой православной вере, затрагивающие церковное достояние, подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному»⁴⁴.

Но осуществить всё это на практике было весьма непросто. Церковная печать того времени писала о многочисленных расправах над священнослужителями и верующими, а Собор почти ежедневно получал рапорты правящих архиереев и епархиальных советов о реквизициях и захватах движимого и недвижимого имущества храмов, монастырей и духовных школ.

К марту 1918 г. обстановка обострилась настолько, что в Москве могли произойти кровавые столкновения⁴⁵. Для успокоения возникшего возбуждения правительство желало как-то продемонстрировать, что его постановления вовсе не наносят вред Церкви, а лишь отделяют её от государства. Со своей

⁴⁰ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9—10. С. 377—378.

⁴¹ Там же. С. 366.

⁴² Там же. № 7—8. С. 326.

⁴³ Там же. № 11—12. С. 421.

⁴⁴ Церковные ведомости. 1918. № 7—8. С. 32—34.

⁴⁵ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 7—8. С. 326.

стороны, высшая церковная власть к весне 1918 г. убедилась в безуспешности своих усилий добиться отмены или хотя бы корректировки советской религиозной политики. Соппротивление верующих конфискациям церковного имущества вызывало лишь новые репрессии. Всё это заставляло идти на переговоры с большевиками.

Первая попытка обсудить статус Церкви с представителями новой власти была предпринята Поместным собором в феврале 1918 г. Тогда в Петроград прибыли его депутаты во главе с Самариным, которым поручалось предложить правительству образовать комиссию с участием клириков и мирян для выработки нового декрета, регулирующего деятельность Церкви в обществе и принципы её взаимоотношений с государством. Однако в Совнаркоме соборную делегацию никто не принял⁴⁶. Вернувшись в Москву, Самарин просил Собор «расширить их полномочия, чтобы они могли коснуться вообще церковного дела при современном положении дел, а не выражать только протест против большевистского декрета об отделении Церкви от государства». Собор, видевший во встрече с руководством СНК «крайнюю необходимость» и вынужденный «просить советскую власть о защите на окраинах ныне беззащитного русского населения», предоставил делегации право делать от его имени «заявления и представления народным комиссарам, какие она найдёт нужным и полезным для св[ятой] Церкви». В тот же день, 25(12) марта делегатам обещали устроить беседу с председателем Совнаркома Ульяновым (Лениным), но он неожиданно выехал из Москвы⁴⁷.

27(14) марта соборную делегацию от имени правительства приняли народный комиссар юстиции Д.И. Курский, народный комиссар страхования М.Т. Елизаров и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич. Делегаты настаивали на том, что для «религиозного успокоения ста миллионов православного русского народа, без сомнения необходимого и для государственного блага», следует отменить декреты, посягающие на «жизнь и свободу православной народной веры». Тогда представители Совнаркома попросили письменно изложить, что именно в декрете требует пересмотра или отмены, а также указать все факты насилия, совершённого вследствие неправильного понимания его норм местными властями, и впредь доводить до сведения правительства о подобных случаях. При этом народные комиссары обещали, что в дальнейшем к разработке декретов, касающихся религиозных организаций, непременно будут привлекаться уполномоченные ими лица. 19(6) апреля делегация Собора вновь «просила власть во имя и государственного блага отменить все её распоряжения, посягающие на жизнь и свободу народной веры», но смогла получить лишь «положительное заверение центральной советской власти, что для... выяснения границ и способов осуществления декрета (23 января 1918 г. — А.К.) будет создана в Москве особая комиссия с участием представителей всех вероисповеданий»⁴⁸. К маю 1918 г. переговоры и вовсе заглохли.

По мнению М.В. Шкаровского, уже в апреле соборная делегация начала отступать от первоначальных требований⁴⁹. Однако в тот момент прежние позиции пересматривали только отдельные её члены. Это проявилось, в частности, в том заявлении, с которым обратился в СНК «по поводу декрета 23 января

⁴⁶ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 47.

⁴⁷ Голубцов Г., *прот.* Поездка на Всероссийский церковный собор. Дневник // Российская Церковь в годы революции (1917—1918 гг.). М., 1995. С. 230, 237, 249, 254.

⁴⁸ РГИА, ф. 831, оп. 1. д. 69, л. 4—5.

⁴⁹ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. СПб., 1995. С. 32.

1918 г.» главный эксперт Собора по взаимоотношениям с новой властью, член соборной делегации «по переговорам с народными комиссарами» профессор Московской духовной академии Н.Д. Кузнецов. Он подготовил собственную редакцию вызывавших возражения статей, которые, по его мнению, следовало изложить так: «9. Школа отделяется от Церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных учебных заведениях необязательно и может происходить на средства самих родителей учеников... 13. Имущество, принадлежащее Церкви и другим исповеданиям, вместе со зданиями и предметами для богослужения переходит в собственность тех религиозных обществ, которые должны образоваться на основании закона отделения Церкви от государства. На это должен быть предоставлен известный срок, который, по условиям русской жизни, не может быть менее 3 или 5 лет». В заключение профессор предостерегал: «Проведение закона отделения Церкви от государства вообще, а в России особенно, не может упускать из виду, что разные отношения, сложившиеся на протяжении 1 000 лет, не могут быть ликвидированы немедленно или в какой-либо крайний срок, иначе это может вредно отразиться не только на Церкви, но и на самом государственном порядке»⁵⁰.

Важно отметить, что в принятом 18(5) апреля постановлении «О мероприятиях, вызываемых происходящими гонениями на православную Церковь», Собор уже прямо склонял мирян вступать в контакты с местной и центральной советской властью, чтобы донести до неё голос протеста тысяч православных верующих, возмущённых поруганием святынь. Так, им рекомендовалось «составлять на братских собраниях — приходских, окружных благочиннических, уездных и епархиальных соответствующие письменные, за собственноручными подписями участников собраний приговоры (в нескольких экземплярах) в защиту Церкви и её достояния и представлять эти приговоры высшему церковному управлению, местным и центральным органам светской власти, при чём, в случае необходимости непосредственных сношений с последними, поручить эти сношения, ввиду явного преследования священнослужителей и церковных старост братчикам-мирянам, а где нет братств — членам приходских советов из мирян» (п. 13)⁵¹.

Между тем 9 апреля в связи с возникавшими на местах затруднениями СНК поручил Народному комиссариату юстиции «образовать комиссию для выработки в срочном порядке инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства». Вопреки обещаниям, представители религиозных организаций в неё включены не были. Разработанный ею документ, утверждённый 24 августа, появился 30 августа в «Известиях ВЦИК» как «Постановление народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” (Инструкция)».

7 сентября патриарх Тихон и Священный Синод обратились в Совнарком с заявлением о необходимости отмены данной инструкции. Характеризуя политику, проводившуюся после декрета 23 января, священноначалие констатировало: «В указанный период власть развёртывала свою программу в отношении

⁵⁰ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 56, л. 38, 42. Основные идеи своего письма Кузнецов сформулировал 22(9) февраля, выступая перед членами Собора, которые просили его напечатать этот доклад, «если не в типографии, то хотя бы на гектографе, чтобы разослать его по всем епархиям России для осведомления русского народа». Вскоре он вышел в виде брошюры «Церковь, народ и государство в России» (Там же, л. 43).

⁵¹ Церковные ведомости. № 23—24. С. 166.

к исповеданиям, совершенно не считаясь с их внутренней жизнью и не желая выполнять собственных обещаний, данных представителям православной Церкви. Наряду с бесчисленными захватами церковных имуществ и зданий учащались преследования церковных проповедников, аресты и заключения в тюрьмы священников и даже епископов»⁵². Церковное руководство считало, что сделало всё для налаживания сотрудничества, однако, «за истекшее полугодие все возможные ожидания в этом направлении рассеяны самой советской властью», поскольку «ряд общих мероприятий правительственных и законодательных самого последнего времени превратил этот сначала как бы бессистемный поход против православной Церкви в открытую и решительную борьбу, всё возрастающую в своём напряжении»⁵³. Инструкция же Наркомюста, по мнению патриарха и Синода, «ставит православную Церковь перед лицом неизбежного исповедничества и мученичества, а российскую коммунистическую власть обрисовывает как власть, сознательно стремящуюся к оскорблению народной веры, очевидно, в целях её полного уничтожения»⁵⁴.

Одновременно с предстоятелем направил советскому правительству письмо «о необходимости отмены инструкции 30 августа 1918 г. к декрету 23 января» и Поместный собор⁵⁵, тогда же поручивший «особой комиссии выработать мероприятия по защите церковных святынь». Заседание, на котором обсуждались её предложения, проходило «при закрытых дверях». Наибольшие прения вызвали те статьи инструкции, которые объявляли, что только «двадцатки верующих граждан» могут получать от государства в аренду культовые здания и прочее церковное имущество. Значительная часть духовенства, особенно епископат, опасались, что это может привести к проникновению в церковные общины случайных людей, проходимцев и даже атеистов, которые будут разлагать Церковь изнутри. Об этом говорилось и в патриаршем заявлении 7 сентября.

Тем не менее на заседании Собора авторитетные его члены утверждали, что верующим следует «ради сохранения церковного имущества входить в сношения с советской властью». «Если мы, — говорил Кузнецов, — запретим группам в 20 человек брать на свою ответственность храмы, то тем самым бросим церковное достояние на произвол судьбы, заставим советскую власть взять храмы, а может быть, допустим при нашем участии и кошунство. Моё личное мнение — это нужно твёрдо встать на точку зрения инструкции». Кузнецов также сообщил, что накануне у него «были представители 4—5 приходских общин г. Москвы и они заявили, что они уже решили выбрать таких лиц, которым вполне можно доверить принимать на своё имя храмы»⁵⁶.

Не дожидаясь соборного решения, митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) в своей епархии «настоятельно призывал прихожан не медлить подавать заявления и брать храмы на свою ответственность». Эту же позицию он отстаивал и на Соборе, не сомневаясь в том, что в условиях гонений в «двадцатках» останутся только преданные Церкви миряне. При выработке определения Собора «Об охране церковных святынь от кошунственного захвата и поругания» владыка возражал против «таких положений, которыми мы как будто провоцируем исповедничество». «Без достаточных оснований, — рассуждал он, — нельзя же толкать паству под нож. Я мог бы прекрасно ска-

⁵² РГИА, ф. 831, оп.1, д. 6, л. 5.

⁵³ Там же, л. 6.

⁵⁴ Там же, л. 9.

⁵⁵ Там же, д. 56, л. 23—29.

⁵⁶ Там же, ф. 833, оп. 1, д. 60, л. 10, 25.

затъ своей пастве: “Ложитесь вокруг собора и не отдавайте”, но сам вчера же и уехал бы из города. По-моему, надобно... во всяком случае не натягивать»⁵⁷. Члены Собора понимали, что при сношениях с представителями власти требуется проявлять особую осторожность, благоразумие и миролюбие. Так, протоиерей А. Юницкий взывал: «Не оскверняйте храмов и их святынь при защите от ослушников голоса Церкви пролитием крови, драками и др[угим] насилием»⁵⁸.

Таким образом, обсуждение инструкции выявило среди участников Собора тенденцию к поиску компромисса. Это нашло отражение и в принятом 12 сентября соборном определении «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». В нём, в частности, отмечалось, что «святые храмы и прочие священные предметы, взятые мирской властью в своё обладание, могут быть принимаемы от неё на хранение и соответствующее пользование... православными приходами, братствами и иными церковными организациями с разрешения епархиального архиерея на общих церковно-канонических основаниях» (п. 7), причём «приходы и другие церковные организации, принимающие святыне храмы и священные предметы, могут в письменном по требованию мирской власти заявлении принять на себя ответственность только: а) за целостность и сохранность принимаемого имущества и б) за пользование им лишь соответственно его религиозно-церковному назначению» (п. 8)⁵⁹. Тут же указывалось на недопустимость каких бы то ни было насильственных действий в отношении представителей власти при отобрании храмов.

Всё это свидетельствовало о ещё только начинавшемся повороте в отношении православной Церкви к религиозной политике большевиков. В целом позиция Собора оставалась пока неизменной. Так, в первом же пункте соборного определения 12 сентября заявлялось: «Святыне храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании святой Божией Церковью... Всякое отторжение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и насилие». Исходя из этого, «церковно-приходские собрания и прочие хранители священного церковного достояния, не имея права передавать церковное имущество из обладания церкви», могли представлять «по требованию мирских властей лишь описи храмов и находящихся в них предметов». Упоминалось также о том, что долг каждого православного христианина — «всеми доступными для него и не противными духу учения Христова средствами защищать церковные святыни от кощунственного захвата и поругания»⁶⁰. Данное постановление Собора оказалось одним из последних. 20 сентября его третья сессия, открывшаяся летом 1918 г., была приостановлена.

Признание Собором большевистских декретов и постановлений, направленных против религии и Церкви, стало возможно лишь после осознания церковным руководством бесповоротности произошедших в государстве изменений, но отнюдь не в непредсказуемой обстановке разгоравшейся Гражданской войны. Вместе с тем наметившаяся уже на Соборе тенденция к соглашению получила развитие в конце 1918 — 1919 г., уже после вынужденного окончания его заседаний. В 1919 г. высшее церковное руководство заявило о нейтралитете в Гражданской войне, фактически признало законодательство и старалось избегать конфликтов с властью.

⁵⁷ Там же, л. 15—16.

⁵⁸ Там же, л. 10.

⁵⁹ Там же, л. 72.

⁶⁰ Там же, л. 70.